

Красная звезда

Война в мае 45-го не закончилась...»

И только потом, спустя годы после войны, когда я купил свою первую машину, первое, что я сделал – объехал вместе с семьей места моей военной службы. Мы побывали во Ржеве, где погиб мой брат Евгений, заехали в деревню Петрицево, где погибла замечательная девушка, комсомолка Зоя Космодемьянская. И я окончательно понял, что ожидало нас в случае согласия. Бутылки с зажигательной смесью – все оружие, поджог изб, где были расквартированы немцы, конюшен и прочего... Но вы знаете, что в этих избах, помимо немцев, жили и русские люди. Это было их жилье, в первую очередь. И они наверняка не очень хотели, чтобы их жилье поджигали... Просто война, поймите, – она очень разная. У нее много лиц. И, конечно, мы пели: «...пусть ярость благодарная вскипает, как волна. Идет война народная, священная война»... Все так, но сколько жертв – напрасных и бессмысленных – было принесено на этой войне, об этом не очень принято говорить»... И Анатолий Георгиевич замолкает. Молчит и думает о чем-то о своем... Я его не тороплю...

«Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины?..»

...О чем он молчит? Может, вспоминает ту площадь, на которой было полным-полно молодежи с вещевыми мешками. Все готовы были идти в бой хоть завтра, даже сегодня. Тут же формировался эшелон, чтобы ехать под Смоленск, строить оборонительные сооружения. Тут же выдавали сухой паек, и – вперед, в теплушки! Никакой тебе бюрократии. Диктатура войны, одним словом.

Недолго размышляя, Анатолий записался добровольцем, и через какое-то время в числе многих оказался на берегу Днепра... Помнит до сих пор: населенный пункт Симлево, не доходя до Смоленска, а рядышком – Днепр. И такая задумка была у высшего начальства, помимо строительства оборонительных сооружений: обвалить один берег Днепра со стороны наступления врага, сделать его настолько крутым, чтобы движение танков стало невозможным.

«Были там саперы, – рассказывает Нестеров, – в основном люди не очень молодые, для которых мы рыли шурфы: метр-полтора глубиной, и они в эти шурфы закладывали взрывчатку и производили подрыв. Такая была непростая работа. А я с детства увлекался

всякими техническими штучками, мне это было интересно. А саперы, повторяю, это были люди старшего поколения, от сорока и старше, прыгать в эти полутораметровые ямы им было тяжело, чтобы заложить туда взрывчатку, и я им предложил свою помощь. Каждый день приходила на берег Днепра бригада минеров, наши мальчишки и девчонки копали шурфы, а я стал с минерами работать, закладывать взрывчатку. Так у меня появилась вторая военная специальность: минер-сапер. Закончили мы эту работу примерно через месяц... Берег Днепра сделали неприступным, но немцев это остановило ненадолго. В июле-августе они со Смоленском разобрались окончательно, и я помню эти дороги Смоленщины, по которым шли наши войска, и как крынки с молоком несли им наши замечательные женщины...

Ну а я вернулся на эвакупункт, мне удалось вернуться в свой город Дмитров, и я опять пришел в военкомат, с этим командировочным удостоверением на руках, и был мобилизован на строительство оборонительных сооружений под Смоленском... В Дмитровском военкомате мне опять сказали, что я для войны еще маловат, а вот для строительства оборонительных сооружений уже под Москвой, вдоль канала, на Перемиловской высоте – лет мне хватает, и я до 42-го года, вплоть до призыва в армию, на фронт, рыл окопы и валил лес вдоль канала по реке Москва.

Матрос канонерской лодки «Буря»

Анатолию не было еще и 18-ти, когда его призвали. Но это уже был зрелый человек, с твердым желанием идти в бронетанковые войска, и только в бронетанковые! В этих войсках служил его брат Евгений, который к тому времени уже пропал без вести на Калининском фронте. И Анатолию так мыслилось, что в память о любимом брате он должен идти в бронетанковые. Но в военкомате решили иначе: «Пойдешь на флот. Очень годиться для морской работы: крепок, тренирован, ни низок ни высок, грамотен. На флоте такие ребята нужны».

Так Анатолий Нестеров оказался сначала на берегу Ладоги, в Кобоне. Затем транспортные корабли перевезли через Ладогу в порт Осиновец. А там погрузили в железнодорожные вагоны, в которых и доставили в Ленинград в морской экипаж. Его оставили на месяц

в морском экипаже ждать назначения на конкретный корабль. Но тут был замечен и востребован другой его талант: он мастерски чистил картошку, морковь, строгал капусту и неплохо умел готовить. Так получилось, что из всех домашних он единственный учился во вторую смену и к приходу старших братьев со школы и родителей с работы он не только картошки начистит, но и борщ сварганит. Вот и приставили его к котлам – на полторы тысячи человек каши да флотского борща сварить – это тоже талант нужен! Мичман в новом коке, и заместитель командира пришел в экипаж подбирать новых матросов на лодку. Так Анатолий Нестеров оказался на боевой канонерской лодке «Буря». Но только не камбуз стал его стихией, хотя его брали именно на эту должность, а артиллерия.

Так не только мичман думал. В один день на молодого симпатичного парня в окне раздачи упал взгляд боевого офицера Гуревича с канонерской лодки «Буря». В последнем бою канонерка потеряла десять бойцов, в том числе и кока, и заместитель командира приехал в экипаж подбирать новых матросов на лодку. Так Анатолий Нестеров оказался на боевой канонерской лодке «Буря». Но только не камбуз стал его стихией, хотя его брали именно на эту должность, а артиллерия.

– Несколько слов о том, что такое канонерская лодка, – говорит Анатолий Георгиевич, и опять достает фотографии, – это очень мощная боевая лодка среднего хода, предназначена в основном для высадки десанта и оказания помощи береговым армиям. Канонерка (а их было всего пять штук на Ладоге) очень сильно оснащена артиллерией, это очень мощная зенитная защита. Мы своими орудиями, когда прорывалась блокада, очень сильно помогали войскам. Наши орудия в район Шлиссельбурга спокойно доставали, и помощь в прорыве и сня-

тии блокады Ленинграда была очень реальна, чем я горжусь. Я ведь был наводчиком, как наведу – так и попадем в цель. Сначала «сорокопятка» стояла, потом перевооружили, поставили еще более мощное орудие. Так всю войну артиллерия была главной моей профессией. Но не единственной.

Получилось так, что, когда мы стояли во льдах, и выяснилось, что нет водолазов, я сказал, что немного знаком был до войны с этим делом, и меня направили в Ленинград в знаменитый ЭПРОН (Экспедиция подводных работ особого назначения). Там мы учились под водой, по сути дела, с закрытыми глазами, собирать и разбирать различные механизмы, погружаться и выходить с глубины в 28 метров, ориентироваться в замкнутом пространстве и находить то, что нужно под водой... Анатолий закончил курсы с отличием, и это была его уже... третья военная профессия. Сколько раз ему потом приходилось выплывать в буквальном смысле этого слова с разных глубин! Проникать в затонувшие военные корабли в поисках документов, которые обязательно надо было изъять, то заделывать пробоины, затем участвовать в расчистке Таллинского порта уже после войны, после битвы за Ленинград, после знаменитого Моонзундского похода... И еще – производить под водой замеры трофейных немецких эсминцев, которые, в отличие от наших клепаных судов, были целиком сварные. Так что есть заслуга в том числе и Анатолия Георгиевича Нестерова в том, что после войны наша судостроительная промышленность стала производить полностью сварные суда. А заодно, в процессе подводных работ, он научился великолепно читать различные чертежи и изучил электрику. Это уже четвертая военная специальность Анатолия Нестерова. Одна из них – профессия электрика – пригодилась ему в первые годы после окончания службы.

Долгий путь к мирной жизни

Анатолий Георгиевич прекрасно помнит День Победы – это было в Калининградском порту, позади уже были бои на островах Моонзундского архипелага, о которых можно долго рассказывать, но это будет долгий рассказ. В этот день они расстреляли весь боевой запас – салют в честь Победы, выпили «усиленный стограммовик» и съели праздничный обед. Но служба для

матроса Нестерова не закончилась. Он последним ушел с канонерки и дослуживал на трофейном немецком эскадренном миноносце, который носил название: «Прыткий». С «Прыткого» старшина 1 статьи Нестеров был демобилизован только в 1950 году. Ему было 26 лет! И тем не менее (вот характер!) он экстерном закончил вечернюю среднюю школу, хотел поступать в Высшее морское торговое училище, и успешно сдал экзамены. Причем для этого ему пришлось уехать из Москвы в Ленинград. «Но я выбрал сознательно этот город для жизни, – признается Анатолий Георгиевич, – я так прикипел к нему за годы войны, так сроднился с ним, что сразу решил, что свяжу свою судьбу с Ленинградом».

В Морское торговое училище Анатолия не приняли, хотя экзамены он сдал. Училище он перерос, не приняв по возрасту. Зато симпатичному морячку в клешах и в бушлате сразу предложили учиться на химическом факультете Ленинградского государственного университета. И он согласился. Через два года предложили перевестись на очень перспективный и чрезвычайно секретный технологический факультет. И он согласился и закончил этот факультет. Наконец женился на очень симпатичной девушке Галине Сергеевне... Ему предложили работу на секретном заводе в поселке Морозовка, сразу пообещали двухкомнатную квартиру.

Его «мирная специальность», если так можно сказать, – производство компонентов твердого топлива, место работы – «объект 900», затем превратившийся в цех № 7. Он был начальником этого цеха, о котором Анатолий Георгиевич не говорит ровным счетом ничего. И это понятно. Его война до сих пор продолжается. Он постоянно читает о ней, изучает архивы, рисует карты былых боев и рассказывает школьникам то, что видел и знает сам. И постоянно повторяет одну фразу: «Война не оставляет тебя никогда. Это правда».

А. Г. Нестеров – кавалер ордена Отечественной войны. Награжден множеством медалей, в том числе раритетной медалью адмирала Ушакова. Но больше всего Анатолий Георгиевич гордится двумя Почетными грамотами с портретом вождя, за подписью (правда, факсимильной) Верховного Главнокомандующего: за Моонзундскую операцию и успешную высадку десантов.

Татьяна ТРУБАЧЕВА

– символ Победы

осенью – сапоги. Вспоминает, что на посту часто мёрзли: "Зимой и летом нос капает". Не все девушки выдерживали такой ритм, некоторые срывались, грубили начальству, но родителям Марии в Ульяновскую область было отправлено письмо: "Спасибо за то, что вы воспитали такую дочь... От неё – никаких пререканий... Где поставим на посту, там терпеливо стоим"... В конце января 1945 года отобрали самых дисциплинированных регулировщиц так, чтобы они были одинакового роста, и отправили их обслуживать Крымскую конференцию (в Ялте). Там Марии Алексеевне довелось "командовать" движением автомашин правителей трёх держав. Помнит, что посты были оформлены в виде звезды, сложеной из кирпичей, девушек ставили в центр звезды, и что правительственные машины были чёрного цвета и даже шофёры там были в звании полковников. После Крымской конференции её, ещё одну девушку и мужчину вывели на Почёт-

ный круг перед частью и объявили, что за отличную работу они представляются к медалям. Эту медаль Мария Алексеевна так до сих пор и не получила... Другой памятный случай произошёл в Германии, где был разрушен мост через реку Одер. Красноармейцы соорудили временный pontonный мост, на который машины пытались одновременно въехать и с одной и с другой стороны. Приходилось останавливать: одна сторона ждёт, другая – проходит, и наоборот. И здесь за строгое выполнение приказов начальства Мария Алексеевна чуть не поплатилась жизнью. Советский офицер решил перегнать скот по мосту, девушка направила стадо по дороге в обход. В результате коровы разбежались по полю, офицер вынул из кобуры пистолет, чтобы отомстить регулировщице, но в это время мимо проезжало начальство. Грубияна арестовали и лишили офицерского звания... День Победы Мария Алексеевна встретила в Штетине. Её подруги пое-

хали на экскурсию в Берлин, а она лежала на больничной койке. Незадолго до этого была ранена на посту осколком снаряда... Со дня на день ждали мобилизации. Девушка дала себе слово, что обязательно поедет в деревню к маме. Но неожиданно она узнала от своего командования, что шофёр из её части – Денис Гарбузов – написал заявление, чтобы её оставили с ним в армии как жену, и уже пришел приказ с положительным ответом. Таким оригинальным способом её будущий муж сделал Марии предложение. Сначала она обиделась и отказала Д. Гарбузову – он был для неё таким же, как другие однополчане: они называли друг друга "браток", "сестричка" и между ними не было ухаживаний. Но даже командир стал её уговаривать выйти за Гарбузова замуж, постепенно она стала привыкать к тому, что её считают женой и, в конце концов, согласилась зарегистрировать брак. После демобилизации переехали в ту деревню, где раньше проживал муж, – в посёлок Рахья Ленинградской области. Брак оказался прочным. Сейчас у Марии Алексеевны – две дочери, внуки и правнук.

В 2010 году во время празднования 65-летия Победы, в микрорайоне Южном была заложена капсула, которую должны открыть во время празднования 100-летия Победы над фашизмом. Честь закладывать капсу-

лу с посланием для потомков выпала Марии Алексеевне Гарбузовой и её правнуку.

Людмила ОДНОБОКОВА
Фото из семейного архива: М.А. Гарбузова с внуком.